

М. Н. Золотоносов

ОХОТА на **БЕРГГОЛЬЦ**

Ленинград 1937

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "МІРЬ"

Санкт-Петербург
2015

Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) — писатель, редактор заводской газеты «Электросила» (1931–1934), кандидат в члены ВКП(б) с мая 1932 г., ответственный секретарь газеты «Литературный Ленинград» (1936–1937); 16 мая 1937 г. была исключена из ССП, 29 мая 1937 г. — из кандидатов в члены ВКП(б); в июле 1938 г. восстановлена в ССП и в партии; арестована 13 декабря 1938 г. («<...> являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации, ликвидированной в г. Кирове, готовившей террористические акты над т. Ждановым и т. Ворошиловым»), вновь исключена из партии на заседании парткома «Электросилы» 22 декабря 1938 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 387772, ч. 1. Л. 6 — личное дело О. Ф. Берггольц), что подтверждено решением бюро Московского райкома ВКП(б) от 5 января 1939 г. (исключена из кандидатов в члены ВКП(б) как враг народа, арестованный органами НКВД; см.: Там же. Л. 1); освобождена 3 июля 1939 г. («<...> следственное дело по обвинению Берггольц О. Ф. за недоказанностью состава преступления производством прекращено»), 17 июля 1939 г. решением бюро Московского райкома ВКП(б) восстановлена кандидатом в члены ВКП(б); принята в члены ВКП(б) партийным собранием завода «Электросила» 16 ноября 1939 г. (Там же. Д. 387772, ч. 2. Л. 8), что подтверждено решением парткома от 7 февраля 1940 г. (Там же. Л. 9).

CAUCHEMAR КАК ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАЛИНИЗМА

В тридцатые годы Ольга Берггольц была прикреплена к парт-организации «Электросилы», поскольку работала в заводской газете и писала историю завода. Поэтому ее исключение из кандидатов в члены ВКП(б) в ходе весенней кампании 1937 г. по борьбе с «авербаховщиной» (один из эпизодов сталинского антибольшевистского переворота) состоялось здесь же, в «пролетарском трибунале», на заседании заводского парткома 29 мая 1937 г., и было утверждено на общем партийном собрании членов и кандидатов в члены ВКП(б) завода 25 июня 1937 г. Инициатором исключения явился партком Ленинградского отделения Союза советских писателей СССР, обратившийся с ходатайством в партком «Электросилы» после того, как Берггольц была 16 мая исключена из Союза писателей.

Двойное исключение Ольги Берггольц было одним из эпизодов «большого погрома» 1937 г., устроенного в ленинградской писательской организации под руководством партийных органов и при активном и непосредственном участии самих писателей, которые выявляли врагов народа и их пособников, писали друг на друга доносы и создавали чертеж системы личных связей, посредством которой команды могли передаваться от «обер-бандита» Л. Д. Троцкого вниз — к рядовым «подпольной троцкистской армии». Одним из таких рядовых оказалась Ольга Берггольц, которая в мае 1937 г. была подвергнута политической стигматизации. Это догероический период истории О., который показывает «другую Берггольц» в условиях тоталитарного кошмара периода его кульминации (стостраничный памфлет, изданный в 1937 г., Б. Суварин так и назвал — «Cauchemar en URSS»).

Забавный штрих эпохи. Ответственному редактору журнала «Красная деревня» Л. М. Пыткину в июле 1936 г. пришлось снова стать Пыткиным (с № 21 журнала, подписанного к печати 25 июля 1936 г.). В разгар подготовки к суду над Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и др. (открытый процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 19–24 августа 1936 г.) напоминать говорящей фамилией о пытках было нельзя. Потому что наряду со Смертью одним из символов времени стала Пытка, как физическая, так и психологическая, которую В. В. Ульрих называл «нервным массажем» заключенного (*Яблоновский А. А. Гадюка ползет // Возрождение (Париж). 1928. 26 марта. № 1028. С. 2).*

Впрочем, «нервному массажу» жертву подвергали, когда она еще не была в заключении, а оставалась на свободе (понятие, в сталинскую эпоху условное), но уже не могла вырваться из рук садистов (ср. с «Процессом» Ф. Кафки), в чем заключалась особая изощренность действия, к тому же растянутого во времени. Скажем, Б. П. Корнилова травили почти полгода, начиная с октября 1936 г., арестовали 19 марта 1937 г., а казнили через 11 месяцев — 21 февраля 1938 г.; В. М. Киршона начали травить 23 апреля 1937 г., арестовали 29 августа этого же года, потом долго изнуряли в тюрьме и расстреляли только 28 июля 1938 г.; А. Е. Горелова, который был ответственным секретарем ЛО ССП, начали травить в ноябре 1936 г., а в тюрьме он оказался 11 марта 1937 г. Находясь в подвешенном состоянии, жертва должна была «чутья свою статью» и испытывать постоянный страх.

Берггольц еще «повезло»: ее травля на собраниях происходила в течение всего лишь двух месяцев — с начала мая по конец июня 1937 г., хотя в июле еще были допросы по «делу Авербаха» в управлении НКВД по Ленинградской области (протоколы остались засекреченными, а возможно, были уничтожены; на запрос комментатора ответ из ФСБ не поступил).

«Большой погром» в литературной среде, по замыслу его Главного Организатора, должен был проходить при активном участии самих литературных работников. Для этого советских писателей готовили, еще начиная с процесса мифической «Промпартии» (см. «Литературную газету» за 20 ноября 1930 г.) и заканчивая «вторым московским процессом» в январе 1937 г. В итоге был выработан и закреплён «рефлекс осуждения» тех, на кого укажут партийные органы. На общем собрании ЛО ССП 28 января 1937 г.

Гадюка ползетъ

Дѣло довецкихъ инженеровъ будетъ слушаться въ началѣ апрѣля.

А руководить процессомъ, какъ слышалъ «Руль», будетъ Ульрихъ: специалистъ по смертнымъ приговорамъ и опытный инструкторъ по части разстрѣльнѣ.

Въ эмиграціи это имя еще не пользуется широкой извѣстностью, но въ русскихъ тюрьмахъ объ Ульрихѣ говорятъ, какъ о «второмъ Феликсѣ» и называютъ его не иначе, какъ «палачъ Россіи».

Иностранецъ (повидимому, немецъ), прошедшій черезъ лапы Ульриха, такъ излагаетъ въ «Руль» судейскіе «принципы» этого чекиста:

— Враговъ пролетариата надо уничтожать безпощадно.

— «Объектъ» совѣтскаго правосудія можетъ быть выслушанъ, но обязательно: его можно и не слушать.

— «Собственное признаніе» объекта лучше всего добывается при помощи провокаторовъ, ведущихъ судебное слѣдствіе. Очень хорошіе результаты даетъ въ этомъ случаѣ, такъ называемый, «нервный массажъ», т. е. душевная пытка заключенныхъ.

— Въ высшей степени полезно бываетъ инсценировать разстрѣлъ, но приносить несомнѣнную пользу и провокаторы — коммунисты, посаженные въ одну камеру съ подсудимыми.

— После «нервнаго массажа» сами собой начинаются обыкновенно «собственная признанія». Но нѣтъ никакой надобности, чтобы все «признаніе» писалось подсудимымъ собственноручно. «Массажъ» обыкновенно приводитъ къ душевному расстройству и вызываетъ дрожаніе рукъ. Поэтому всегда лучше, когда «собственное признаніе» пишетъ слѣдователь — чекистъ, а заключенные «бандиты» и «мерзавцы» только подписываются.

Такова «выработанная опытомъ» система этого Ульриха... И можно ли сомнѣваться, какая участь ждетъ горсточ-

ку русскихъ инженеровъ, попавшихъ въ эти кровавыя лапы?

За немецкихъ инженеровъ вступится Германия. Въ крайнемъ случаѣ, ихъ спасутъ путемъ «обмана».

Но кто встанетъ, на защиту русскихъ, которые, какъ жертвенныя животныя, только ждутъ своей очереди?

Я не сомнѣваюсь, что «нервнымъ массажемъ» они уже прошли и что въ портфель Ульриха уже имеются «собственныя признанія».

Остается, значитъ, судоговореніе и стѣнка...

И никакой надежды, никакого участія, никакой защиты...

Преступники, несомнѣнные преступники, Сакко и Ванцетти, осужденные судомъ присяжныхъ, вызвали бурю во всей Европѣ и сотысячныя манифестаціи.

А связанные русскіе люди, предстоящіе съ платкомъ во рту передъ судомъ Ульриха, не вызовутъ ни единого слова протеста...

Ни одного слова въ ихъ защиту мы не услышимъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ...

Даже «Лига правъ человѣка» будетъ безмолвствовать, какъ повѣшенная. И среди этого обшлаго безмолвія и всеобщаго попустительства, намъ, остается только молчать и смотрѣть, какъ на глазахъ у всего міра готовится убійство.

— Понистивъ, это зрѣлище невыносимое!

Представьте себѣ связаннаго человѣка, къ которому на вашихъ глазахъ подползаетъ холодная, скользкая гадюка. Вы видите, куда гадюка ползетъ, и знаете, чего она хочетъ. Но вы не можете прийти на помощь. Вы ничего, ничего не можете...

— Ни развязать связаннаго, ни раздать сапогомъ эту плоскую, гадючью голову съ высунутымъ жаломъ...

Александръ Яблоновскій

Отклик А. Яблоновскаго на происходящій в СССР политическій террор
(Возрожденіе. 1928. 26 марта. № 1028. С. 2)

писатели, остававшиеся на свободе, старались гарантировать свое дальнейшее существование выкрикиванием проклятий в адрес осужденных. Причем большинству уже было все равно, в чей адрес разражаться бранью, конкретные фамилии значения не имели, их подставляли, не задумываясь, как и бранные формулы, и это было то главное, чего добивалась власть от подопытных: автоматизма действий и полного послушания.

Естественно, что главным осужденным был Л. Д. Троцкий. «The Hate had started, — сказано в знаменитом романе. — As usual, the face of Emmanuel Goldstein, the Enemy of the People, had flashed on to the screen».

Лицо Троцкого не вспыхнуло 28 января 1937 г. на большом экране в парадном Белом зале ленинградского Дома писателей, однако этого и не требовалось. Ярость нужной степени охватила писателей сразу, поэты Прокофьев и Гитович мастеровито взвинтили себя до нужного градуса и прочитали стихи, идущие от сердца, полные ненависти и беспощадности. «Новый процесс антисоветского троцкистского центра (Пятаков, Серебряков, Радек, Сокольников и др.) снова поднял волну возмущения. 28-го я присутствовал в Доме писателя на общем собрании ленинградских литераторов по поводу процесса. Это было нечто совсем иное, чем летнее собрание в ЛОССХ. Там говорились одни и те же фразы, выкрикивалась одна и та же брань, здесь же протест был облачен в хорошую литературную форму. Речи Лавренева, Марвича, Горелова, Козакова были содержательны, стихи Прокофьева и Гитовича — выразительны и сильны. Гораздо слабее оказались выступления Мирошниченко, Чумандрина, Авраменко и пр<очих>» (дневник Э. Ф. Голлербаха, запись от 29 января 1937 г.; рукопись дневника находится в частном собрании).

Голлербах не назвал также выступивших на «дне ненависти» М. М. Зощенко, Ю. Н. Либединского, В. М. Саянова, Л. С. Соболева, М. А. Фромана и В. И. Эрлиха (см.: Никакой пощады! На общем собрании ленинградских писателей // Литературный Ленинград. 1937. 29 января. № 5; «Кровь Кирова стучит в наше сердце»: Собрание писателей Ленинграда // Литературная газета. 1937. 1 февраля; протокола или стенограммы собрания не обнаружено). «Пепел Клааса» трансформировался в «кровь Кирова».

Стихотворение А. А. Прокофьева, которое так понравилось Голлербаху своей выразительностью, представляло собой 20-строч-

ный призыв к убийству: «Где бы ни ползли, — весь путь их страшен, / Где б они ни шли из всех зыбей, / Их за нашу кровь, за муки наши / Ненависть настигни и убей» (стихотворение «Кровью отвечайте, господи!», см.: Правда. 1937. 29 января; ср. с упомянутой в романе Дж. Оруэлла «Песней ненависти», «the Hate Song», написанной к Неделе ненависти). Не менее кровожадным (и, следовательно, точно выполнившим социальный заказ) получилось стихотворение у А. И. Гитовича, который, обмкнув перо в кровь, воспел расстрел: «Ибо для сволочи и мерзавцев, / Злобных, продавшихся до конца, / Только один разговор остался — / Точный, скупой разговор свинца» (стихотворение «Верховный суд», см.: Литературный Ленинград. 1937. 5 февраля. № 6). Стихи были в духе времени, так писали все, вот, к примеру, ямбы знаменитого лирика: «За нашу кровь, за мерзость черных дел, / Свое взяла и эта вражья свора: / Народ сказал: „Предателям — расстрел!“ / И нет для них иного приговора» (*Исаковский М. В.* Приговор народа // Литературная газета. 1937. 1 февраля).

На тему судебного процесса по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 19–24 августа 1936 г. в ЛО ССП тоже было созвано собрание (Если враг не сдастся, его уничтожат // Красная газета. 1936. 21 августа; Собрание писателей // Литературный Ленинград. 1936. 23 августа. № 39; выступили Г. Е. Белицкий, <П. С. ?> Бернштейн, В. В. Беспмятников, Н. А. Брыкин, Ю. Н. Либединский, Н. Н. Никитин, А. Н. Толстой, Е. Л. Шварц и В. Я. Шишков). Но райком остался им недоволен. Первый секретарь Дзержинского РК, надзиравший за творческой интеллигенцией своего околотка, доносил начальству: «<<...> Хотя политические настроения основной массы писателей здоровые, однако ряд писателей в связи с последними событиями замкнулись в себе, и их настроения просто не выявлены. Так, например, на собрание писателей по обсуждению обвинительного заключения над бандой к/р троцкистов-зиновьевцев такие писатели, как Каверин, Тынянов, Зощенко, сообща (! — М. З.) не явились на собрание, хотя и были своевременно извещены, а такие писатели, как Маршак, критик Вальбе, хотя и присутствовали на собрании, но своего отношения к обвинительному заключению просто не выявили» (*Кузнецов А. А.* Докладная записка секретарю горкома ВКП(б) А. И. Угарову от 5 сентября 1936 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2050. Л. 24). Как заметил Иванов-Разумник в мемуаре

1942 г., «в советские времена молчание стало признаком <...> неблагомыслия: молчит, значит, что-то про себя таит...» (*Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 61*).

Причем не выявили «настроение», несмотря на «начальственно-диагностические постукивания» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1973. Т. 15. Кн. 1. С. 30*), многие, однако **Самуил Яковлевич** и **Борис Соломонович** находились у первого секретаря Дзержинского РК Кузнецова и его осведомителей на особом учете, и это характерный штрих эпохи борьбы с «троцкистской оппозицией». Характерно и другое: любая встреча с начальством, в первую очередь писательское собрание, используется для проверки благонамеренности, «в видах испытания <...> образа мыслей» (Там же. С. 27).

В январе 1937 г. мобилизация писателей на собрание была всеобщей, от испытания преданности и административного контроля не увильнул ни один. И юморист Зощенко на этот раз выступил (см.: *Зощенко М. М. Суд сурово покарает преступников // Литературный Ленинград. 1937. 29 января. № 5*; удивленный отклик см.: *Амадис [Любимов Л. Д.] Мимоходом // Возрождение (Париж). 1937. 6 февраля. № 4064. С. 4*), и бывший формалист Тынянов написал, причем еще и дважды: сначала бредовую заметку в местную газету (*Тынянов Ю. Н. История их осудила // Литературный Ленинград. 1937. 29 января. № 5*), потом в московскую: «Надеялись они на войну и готовились, сидя на высоких местах, ткнуть нож в спину народа для того, чтобы привести к власти своего заграничного вдохновителя» (*Тынянов Ю. Н. Приговор суда – приговор страны // Литературная газета. 1937. 1 февраля*). Это наполненное штампами антитроцкистское сочинение на «аттестат о благонамеренности» было передано из Ленинграда по телеграфу, «приговорное» название, скорее всего, придумали в редакции.

Правда, Тынянов схитрил, прибегнув к эзоповскому письму. Завершалась заметка патриотической цитатой из Ж.-Ж. Руссо, ранее использованной Тыняновым в романе «Пушкин» (*Литературный современник. 1936. № 11. С. 21*): «Республиканец истинный да всосет с молоком своей матери любовь к отечеству, к законам его и к свободе». Однако Руссо этого не писал, в его сочинениях процитированных слов нет, в романе же «Пушкин» слова Руссо цитировались по вымышленному дневнику лицейского профессора

А. П. Куницына, автора «Права естественного» (СПб., 1818–1820. Ч. 1–2), сожженного за вредоносность. В этом сочинении Куницын отстаивал право свободы, которое «есть общее всем людям» (Ч. 1. С. 54), и подчеркивал, что обязанность властителя — «пешишь о безопасности каждого члена общества» (Ч. 2. С. 67). Политическая свобода упоминалась и в псевдоцитате из Руссо. Так посредством двойной мистификации, путем тончайших, мало кому понятных (во всяком случае, никем из цензоров Леноблгорлита не уловленных) намеков писатель прокомментировал творящееся в 1936–1937 гг. беззаконие и уничтожение политической свободы.

В 1933 г. В. Б. Шкловский опубликовал в «Звезде» статью «Об историческом романе и о Юрии Тынянове». В статье сохранилась фраза о «политической смелости намеков» (*Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 461*) — этим оксюмороном Шкловский подчеркнул, что других возможностей для выражения политически актуальной мысли уже не осталось в принципе. «Политически смелыми намеками» Тынянов и воспользовался, обманув чуткую цензуру. В том же дневнике лицейского профессора Куницына красовалась совсем уж очевидная запись: «Вчера ночью Сперанский взят и как злодей скрыт неизвестно куда. Никто ничего не знает» (*Тынянов Ю. Н. Пушкин // Литературный современник. 1936. № 11. С. 19*).

Государственный секретарь М. М. Сперанский был экстренно выслан из Петербурга 17 (29) марта 1812 г., а события ноября 1936 г. делали фразу из вымышленного дневника реальным комментарием: 4 ноября 1936 г. был арестован А. О. Старчаков, 5 ноября — М. Г. Майзель, 6 ноября — Ю. Г. Оксман, 29 ноября — Е. Я. Мустангова. 6 ноября был расстрелян З. Б. Лозинский, ответственный редактор «Литературного современника» до июня 1936 г., хотя вряд ли кто-то мог узнать о его расстреле тогда.

А. Е. Горелов, ответственный секретарь правления ЛО ССП, 28 января 1937 г. вместе с другими ленинградскими писателями соревновался в выражении гнева и презрения по отношению к Г. Л. Пятакову и К. Б. Радеку (Никакой пощады! На общем собрании ленинградских писателей // *Литературный Ленинград. 1937. 29 января. № 5*). Но Горелов не знал, что А. А. Ждановым уже подписано решение бюро Ленинградского обкома ВКП(б) «Об укреплении партийного руководства ленинградским отде-

лением Союза Советских писателей», в первом пункте которого было предписано «освободить от работы секретарей Ленинградского отделения Союза Советских писателей т.т. Горелова и Беспамятнова как не обеспечивающих партийного руководства» (Выписка из протокола № 28 заседания бюро ленинградского обкома от 27 января 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 439879, ч. 2. Л. 9 — личное дело Н. Г. Свирина). 2 февраля А. С. Щербаков провел в обкоме совещание, на котором выступил с речью, там же выступил и А. Е. Горелов (в ЦГАИПД СПб в фондах Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) за 1937 г. следы совещания не обнаружены). Через день, 4 февраля 1937 г., состоялось заседание правления ЛО ССП, в котором приняли участие А. С. Щербаков и А. И. Угаров. Во исполнение решения партийных органов была проведена санация: А. Е. Горелова и В. В. Беспамятнова от обязанностей ответственного и второго секретарей правления ЛО ССП освободили; ответственным секретарем был назначен Э. И. Цильштейн (Оздоровление работы ленинградского союза писателей // Литературная газета. 1937. 5 февраля; корреспонденция была передана по телефону). 5 февраля 1937 г. решением бюро Дзержинского райкома Горелов был исключен из ВКП(б). Потом сверкнули «молнии правосудия», и 11 марта его, уже лишённого должности и беспартийного, арестовали. О снятии с должности в газете сообщили, об аресте не сообщалось ни в начале марта, ни позже. Из «побежденных» Горелова перевели в «осужденные». Так началась подготовка к «большому погрому» в Ленинградском отделении Союза советских писателей, который запланировали на май 1937 г.

Но определяющие «цвет времени» события происходили, естественно, в Москве. 3 марта 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин. Это был сигнальный выстрел из орудия главного калибра. Текст доклада появился в печати позже — 29 марта 1937 г., поэтому в Москве четырехдневное общее собрание Московского отделения ССП СССР, посвященное обсуждению итогов февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), прошло 2–5 апреля 1937 г. На нем, следуя доктрине вождя, впервые публично объявили о фактах «проникновения германо-японско-троцкистских шпионов и диверсантов в литературную среду», хотя фамилии шпионов названы еще не были (см.: Общемоосковское собрание писателей // Литературная газета. 1937.

6 апреля). Это тоже была подготовка к основным событиям апреля–мая, хотя по текстам выступлений видно, что четкий сценарий собрания и утвержденный список врагов народа писателям из ЦК не спустили. Поэтому они не понимали, чего от них требуется, т. е. что и о ком конкретно нужно говорить, и в итоге получились самодеятельные, довольно хаотичные импровизации.

Одним из обвиняемых оказался В. М. Киршон, которого не увидели практически все, однако ему пока инкриминировали лишь высокомерие, бюрократизм и низкое качество драматургии. Самокритикой в этот смутный период занялись А. А. Фадеев и Б. А. Пильняк. Пильняк, услышав высказывание о шпионах в литературной среде и почуяв судьбу, подверг «резкой оценке свои произведения, написанные под влиянием троцкистов-контрреволюционеров Воронского и Радека» (оба уже сидели в тюрьме), в чем Пильняка обвиняли ранее. В то же время ему пришлось отвечать на обвинения Фадеева: «Почему, например, до сих пор Пильняк считается серьезным писателем — это трудно понять» (цит. по кн.: *Пильняк Б. А. Письма: В 2 т. М., 2010. Т. II. С. 616*). Впрочем, самокритика Пильняку не помогла, спустя семь месяцев его арестовали, а вскоре и расстреляли за участие в контрреволюционной организации, подготовку терактов и, естественно, шпионаж.

Именно во время четырехдневного общемосковского собрания писателей были произведены два знаковых ареста «весны террора», предопределившие идеологическую перспективу на весну–лето 1937 г.: Авербаха 4 апреля и Г. Г. Ягоды 5 апреля (а первый допрос Ягоды состоялся вообще 2 апреля 1937 г. — см.: *Сойма В. М. Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 197*).

Как полагали в Европе, прежде всего эмигранты, арест Ягоды «произвел в Москве огромную, прямо-таки небывалую сенсацию <...>» (Сенсация в Москве // *Возрождение (Париж). 1937. 10 апреля. № 4073. С. 1–2*), масштаб которой показывает другая публикация в том же номере газеты под заглавием «Конец диктатуры Сталина (?)» (Там же. С. 1). Потому что еще 8 апреля по Парижу распространился слух о том, что арестован не только Ягода, но и Сталин, произошел государственный переворот, власть перешла в руки К. Е. Ворошилова, установлена военная диктатура и «наступил конец коммунистического строя» (в парижской эмиграции в это время доминировала концепция агонии коммунизма, за которую здесь приняли «большой террор»).

«ДЕЛО БЕРГГОЛЬЦ»:
Протоколы
пролетарского трибунала

1

Протокол № 14

**заседания партийного комитета
завода «Электросила» имени С. М. Кирова
от 29 мая 1937 г.
(пункты 5 и 6)**

Публикуются два фрагмента протокола заседания парткома «Электросилы» от 29 мая 1937 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 2071. Оп. 7. Д. 11. Л. 101–113; дело рассекречено 16 мая 2012 г. по заявлению комментатора), пункты 5 и 6.

Ольгу Берггольц обсуждали 5-м пунктом повестки дня, 6-м обсуждали Ф. А. Евсеева, редактора многотиражки «Электросила», который до 1932 г. также был связан с ЛАППОм и соответственно с «авербаховщиной», хотя и не так тесно, как Берггольц. Евсеев — мелкий подручный Ю. Н. Либединского и М. Ф. Чумандрина в ЛАПП, и его мелкое «дело» вносит добавочные детали в общую картину фабрикации в 1937 г. фиктивных обвинений как против руководства ЛАПП и РАПП, так и против любого, кто с этими организациями или их руководителями был связан и угодил в качестве жертвы в аппарат партийной проработки. По форме заседания напоминают судебные, в которых отсутствует адвокат, а есть только обвинители — они же судьи (типологическая параллель — инквизиция, трибунал католической церкви). Берггольц обвиняют в том, что она защищала врагов, троцкистов, при этом самозащита также осуждается. Требуется самообвинение: следует не просто разоблачить Л. Л. Авербаха, А. Е. Горелова и других, но и придумать себе преступления и раскаться в них, как это делали участники показательных московских процессов в августе 1936 и январе 1937 гг.

Заседание состоялось в пятый день шестидневки (по-старому, в субботу). На заседании помимо «подсудимой» Берггольц присутствовало еще 19 человек. Это три активных члена ЛО ССП, восемь членов парткома «Электросилы»: Круль, Евсеев, Суетов, Федин, Морозов, Смирягин, Леонович, Алексеев, а также восемь партторгов цехов, которыми партком по особому случаю усилили для придания заседанию статуса «народности»: Щербаков, Кузьмин, Смирнов, Сапиро, Пугин, Волков, Идельчик, Куличев (фамилии приведены в том порядке, в каком они перечислены в протоколе № 14, см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 2071. Оп. 7. Д. 11. Л. 91).

СЛУШАЛИ:

<5.> Разбор дела Берггольц о связи с троцкистскими контрреволюционными элементами, с группой Авербаха

Присутствовали: Представители от Союза Писателей т.т. КАПИЦА, БРЫКИН, РЕШЕТОВ, БЕРГГОЛЬЦ.

БЕРГГОЛЬЦ Ольга Федоровна, рождения — 1910 г., социальное положение — служащая, кандидат ВКП(б) с 1932 г., канд. карточка № 0212237, образование — высшее, член ВЛКСМ с 1928 г., специальность — писатель, прикрепленная к заводской парторганизации в качестве редактора-автора «Истории завода». Работает в Союзе Советских Писателей. Проживает ул. Рубинштейна, д. № 7, кв. 30, — о причинах исключения ее из членов Союза Писателей¹, о связи с Авербахом² и другими врагами народа.

Тов. ВОЛКОВ³ — По поручению партийного комитета я и т. СМИРНОВ⁴ ездили в Союз Писателей по делу Берггольц. Ознакомившись с протоколами партийного комитета и партийной группы Правления⁵ ЛОССП от 5/V, 14/V, 15/V и 17/V, на которых обсуждался вопрос о группе литераторов, примыкавших к троцкистской группе в литературе Авербаха⁶ и других. Выяснилось, что Берггольц до последнего времени была связана с врагом народа Авербахом, знала его стремления сколотить свою троцкистскую группу в Ленинграде⁷ и ничего не предпринимала для его разоблачения⁸. Об этом она сама рассказывает на собрании партийной группы, что записано в протоколе от 6-го мая⁹. Она также знала о неприязненном отношении Авербаха к тов. КАГАНОВИЧУ¹⁰ и статье Авербаха о Московском Метро¹¹, которая была выражением подхалимства¹² — излюбленным методом работы троцкистских негодяев¹³. Берггольц не разоблачила Авербаха. Берггольц защищала Горелова¹⁴, Добина¹⁵, Майзеля¹⁶, создавая условия для протаскивания¹⁷ Гореловым троцкистских взглядов¹⁸ в газете «Литературный Ленинград»¹⁹, в которой Берггольц работала ответственным секретарем²⁰. Берггольц знала о том, что Добин инструктировал Горелова в его поведении на партийном собрании: «Держи себя как шахматист»²¹. Не довела до сведения партийной организации и этим самым содействовала в маскировке²² троцкистской группы. Все поведение Берггольц на партийных собраниях выражается стремлением не разоблачить, а скрыть троцкистские охвостья в ЛО ССП, что очень характерно выразил в заключительном слове председатель собрания²³. Приводим выдержку из его выступления:

«Правильно говорили о гнилости²⁴ Берггольц. У тебя²⁵ жизнь сложилась так, что до сих пор ты ищешь и находишь опору в Авербахе, причем не с точки зрения политической, а с точки зрения интимной, личной. Твои взаимоотношения с Макарьевым²⁶, Авербахом, Беспамятн<ов>ым²⁷, который был секретарем Авербаха²⁸ и который думал²⁹ устроить какой-то реванш³⁰, — ты это знала и скрывала. Скрывала и связь с Ю. Германом³¹, Макарьевым. Разве ты помогаешь разоблачать?»³²

Выступающий тов. КАН³³ указывает, что Берггольц просила Беспамятнова уничтожить какие-то тетради и письма³⁴.

Выступающий Чумандрин указывает на Берггольц как на чуждого партии человека³⁵.

Исходя из вышеизложенного, считают, что решение собрания парторганизации Ленинградского Отделения Союза Писателей о постановке *вопроса*³⁶ перед парторганизацией завода об исключении из партии Берггольц³⁷ — правильным.

БЕРГГОЛЬЦ — Те обвинения, которые предъявляют мне, — очень тяжелые обвинения. На заводе обо мне мнения были неплохие. Что касается моей связи с Авербахом — я с ним познакомилась как с руководителем Союза Советских Писателей³⁸. Я состояла в ССП еще раньше³⁹, потом меня исключили⁴⁰. С Авербахом меня познакомил Либединский. Авербах был в то время на положении вождя⁴¹, пользовался громадным авторитетом⁴². Все с ним были в очень хороших отношениях⁴³.

В то время «Молодая гвардия» хотела меня привлечь к литературной работе, а Авербах хотел меня оставить в Союзе Писателей, считая меня незаменимой в области детской литературы. Меня приняли в РАПП⁴⁴. Выделили секретарем «Литературной газеты»⁴⁵. После этого я Авербаха не видела месяцев восемь. Затем с РАППа ушла, поступила на завод «Электросила»⁴⁶. В декабре 1933 г. Авербах приехал в Ленинград как ответственный редактор «Историй фабрик и заводов»⁴⁷ и представитель альманаха «Год 16-й»⁴⁸. Моя большая политическая слепота⁴⁹ была в том, что я не поняла его тогда⁵⁰.

Однажды он приезжал вместе с <М. Д.> Берманом⁵¹ ко мне в выходной день на квартиру с приглашением покататься на машине⁵². Зимой 1933 г. я Авербаха видела последний раз. Авербах пытался сколотить группу писателей вокруг себя в Ленинграде, чтобы противопоставить ее решениям ЦК партии. У меня идейных

связей с ним не было никогда⁵³. Поручения от него не получала, и близких отношений с ним не было. Я считала, что раз партия ему доверила такой важный участок, то, наверное, человек проверенный⁵⁴. В 1934 г. Авербах был отправлен на Урал⁵⁵. В это время я с ним обменялась одним письмом. Он мне о своих взглядах никогда ничего не говорил. С мая 1934 г. у меня с ним не было ни встреч, ни переписки. Он предлагал мне участвовать в альманахе «Год 16-й»⁵⁶ и «Истории фабрик и заводов», приглашал на Беломорканал⁵⁷ — но я отказывалась⁵⁸. В шайку⁵⁹ его приспешников⁶⁰ я никогда включена не была, о его планах не знала ничего. Я не знала, что Авербах был тем, чем его обнаружили и раскрыли. Теперь мне все стало ясно и понятно. Повторяю, у меня с ним ничего не было, я только была с ним знакома. У меня были возможности его раскусить, но, сознавая, что он член партии и такой авторитет, упускала, теперь считаю ошибкой⁶¹.

О работе в «Литературном Ленинграде». Мне сказали однажды, что меня утвердили на ГК ВКП(б)⁶². Я не хотела, отказывалась, но пришлось работать там⁶³. Я позднее ходила в Горком и там узнала, что обо мне никто не ставил вопроса. Вывод такой, что меня вовлекли⁶⁴ в «Литературный Ленинград» обманом. В «Литературном Ленинграде» я работала честно и добросовестно. После процесса⁶⁵ повелась большая работа по выявлению троцкистов, зиновьевцев и т. д.⁶⁶ Были конфликты Майзеля, Горбачева⁶⁷, Горелова и других. Я вместе с Майзелем отдыхала в доме отдыха, но там он ничего не говорил о своих взглядах и о троцкизме. Он однажды принес мне статью просмотреть. Я сказала, что такую статью нельзя печатать. Он предложил выправить, но я не предполагала, что он троцкист. Когда на Парткоме стоял вопрос о Горелове, я за него не выступала, а осуждала его ошибки. Когда мы обсуждали эти вопросы и сидели до 3-х часов ночи⁶⁸, печать молчала, ничего не писала о Союзе Писателей. Это считаю неверным. Нужно было в газете освещать, что с молодыми работниками Союза Писателей неблагополучно⁶⁹. Моя ошибка заключается в том, что я передоверяла работу газеты Добину и другим, а не вникала в суть сама⁷⁰. Я говорила Чумандрину, что Добин делает ошибки, но мер не принимали.

Я знаю, что мои ошибки не оправдываются этими доводами. Все, что было написано в печати, — это верно. Я виню себя, что до появления в печати ничего не замечала и не предпринима-

ла. О заслугах своих говорить я не буду, так как их у меня мало⁷¹. Раньше об авербаховщине молчали и мало кто знал об этом⁷², а теперь об этом шумят.

ЛЕОНОВИЧ — Как с книгой «История нашего завода»?

Ответ: Книгу пишу, полностью написано до 1918 г. и отрывки из 1-й пятилетки⁷³.

КАПИЦА — Какие от Авербаха письма имели содержание?

Ответ: Не партийного, а литературного характера⁷⁴.

ЕВСЕЕВ — Какие взаимоотношения с Добиным у тебя были?

Ответ: Добин сначала показался мне хорошим человеком⁷⁵, авторитетным. 2-го февраля у т. Щербакова⁷⁶ было совещание⁷⁷. Добин был болен. Услышав о речи т. Щербакова — он осуждал эту речь и речь Горелова. Чумандрину я говорила об этом до ареста Горелова и исключения Добина, он согласился со мной, и всё.

т. ПУГИН⁷⁸ — Непонятно, почему вы отказались от предложения Авербаха работать у него.

Ответ: Он приглашал, но я отказывалась и решила идти работать на «Электросилу».

т. СУЕТОВ — Авербах восхвалял ваши способности и считал незаменимой, потом он выехал⁷⁹, и вы должны были знать, что он развалил работу⁸⁰, и все-таки держали с ним переписку.

Ответ: Я всего об этом не знала.

т. СУЕТОВ — В газете писали, что вы выступали на партийном собрании Союза Писателей в защиту Авербаха.

Ответ: Неправда, я в его защиту не выступала. Многие переоценивают мою связь с Авербахом.

т. КРУЛЬ⁸¹ — О чем же вы с Авербахом говорили, на какую тему беседовали?

Ответ: В том и беда, что я ничего конкретного сказать не могу. Особенного мы с ним ничего не говорили, а на машине ездили ради прогулки.

т. КРУЛЬ — Ради чего же вы встречались с Авербахом?

Ответ: Как знакомые. Беседы носили частный характер и о литературе⁸². Он давал задания, кого привлекать к участию в альманахе и т. д. На политические темы или особых разговоров не было.

т. КРУЛЬ — Ты знала о решении ЦК⁸³ и что Авербах сколачивал группу?⁸⁴

Ответ: О решении ЦК знала, но не знала, что Авербах сколачивал группу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо

**Р. Р. Гофштейн³³⁷, жены А. Е. Горелова,
секретарю ленинградского обкома ВКП(б)
А. С. Щербакову
от 13 мая 1937 г.**

Автограф.

В соответствии с резолюцией А. С. Щербакова от 13 мая 1937 г. письмо было переправлено 14 мая начальнику УНКВД по Ленинградской области Л. М. Заковскому, однако не могло на что-либо повлиять даже в наилучшем случае: «<...> Заявления граждан в глазах Большого Дома значения почти не имели. <...> Большой Дом выполнял план, спущенный сверху» (Чуковская Л. К. *Беспамятство* // Чуковская Л. К. *Сочинения*: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 197). Тем более что фактически еще 6 мая 1937 г. (формально — 21 мая) Горелов был приговорен к 10-летнему заключению (Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 6 мая 1937 г. 2-я категория, раздел «Троцкисты» // АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 409. Л. 127).

В связи с письмом Гофштейн определенный интерес представляет меморандная заметка М. Л. Слонимского, в которой описаны события, относящиеся к аресту Горелова. Себя в этой заметке Слонимский представил главным заступником за Горелова, а Щербакова — гуманным партийным руководителем, пытавшимся облегчать положение арестованных писателей в соответствии с просьбами Слонимского.

«Арестовали Горелова. Еду к Тихонову. Оттуда (очевидно, в кабинете Н. С. Тихонова был установлен телефонный аппарат АТС Смольного. — М. 3.), сговорившись с П., звоню А. С. Щербакову с просьбой принять. — „Пожалуйста, жду вас“. Приезжаем, рассказываем, объясняем, что нам непонятно — парт<ийных> секретарей (Горелов занимал еще и должность секретаря партгруппы правления. — М. 3.) арестовывают. — „А вы не знаете, почему Лавренев прислал нам два противоречащих друг другу письма?“ — „Мы о письмах ничего не знаем“. — „Да? — удивление в голосе. — Но вы не волнуйтесь. Это кучка людей... Горелов — хлипкий...“ Мы даем хорошую характеристику Горелову — он ведь не антисоветский. — „Не беспокойтесь“. Щербаков направил к Горелову прокурора. Вообще Щербаков принял меры и облегчил

положение Горелова на допросах (так рассказывал Горелов после возвращения). Таких случаев было достаточно» (*Слонимский М. Л. Записи, заметки, случаи // Звезда. 2010. № 7. С. 131*). По предположению публикатора, «П.» — это А. А. Прокофьев.

Выражение «кучка людей» в 1937 г. применялось только по отношению к «троцкистским мерзавцам» (см., например: О процессе антисоветского троцкистского центра: Резолюция общесоветского собрания писателей // Литературная газета. 1937. 1 февраля; Яновский Ю. И. Не пошадим // Там же; Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников // Правда. 1937. 29 марта); получается, что в представлении Щербакова Горелов оказался жертвой троцкистов, которые Горелова оговорили, а он, будучи «хлипким», просто не смог себя защитить.

Абсурдность описания усилена тем, что вместе со Слонимским к Щербакову в Смольный отправился «П.», будь это А. А. Прокофьев, или готовый на любой ложный донос Л. А. Плоткин, или член парткома ЛО ССП СССР М. М. Подзелинский (других персон, подходящих под криптоним, нет). В частности, представить, что в марте 1937 г. Прокофьев, член парткома парторганизации ЛО ССП и бывший чекист (в 1922–1930 гг.), мог просить в обкоме ВКП(б) за кого-то из только что арестованных НКВД, — невозможно. Тем более что при пересмотре приговора Горелову в сентябре–октябре 1939 г. допрошенный в УНКВД по Ленинградской области Прокофьев показал: «Переходя к характеристике личных качеств Горелова как человека и работника, следует отметить, что это тип карьериста, старавшегося захватить побольше доходных мест, в свою очередь, это приводило к тому, что работа Союза советских писателей, руководимая Гореловым, была в развале» (цит. по статье: Шталь Е. Н. А надо мною «посмели надругаться» так... // НГ Ex libris: Приложение к «Независимой газете». 2014. 13 марта. № 9. С. 4; автор статьи имел возможность ознакомиться с делом Горелова в архиве ФСБ).

Правдоподобно в записи Слонимского лишь одно: обращаться следовало действительно к Щербакову, именно он руководил как кадровыми назначениями, так и репрессиями в отношении членов ЛО ССП.

Кстати, на должность ответственного секретаря правления ЛО ССП Горелов был назначен тоже при непосредственном участии Щербакова, что следует из материала «В Союзе советских писателей» (Литературный Ленинград. 1934. 20 декабря. № 63): «Во время пребывания в Ленинграде отв. секретаря правления Союза советских писателей СССР тов. **А. С. Щербакова** состоялось с его участием несколько совещаний членов президиума и правления ленинградского союза». Заканчивался материал упоминанием ответственного секретаря правления ЛО ССП Горелова — в этой должности он был упомянут впервые: «Материалы совещаний руководителей лен. союза писателей с тов. А. С. Щербаковым найдут свое освещение в докладе отв. секретаря правления лен. отдела ССП тов. **А. Е. Горелова** на предстоящем пленуме правления».

Уважаемый т. Щербаков!

К Вам обращается жена Горелова А. Е., бывш. секретаря Ленингр. отделения Союза Советских писателей. Вот уже 2 месяца, как Горелов находится в заключении³³⁸. Еще 19. III с. г. в письме к т. Жданову³³⁹ я указывала, что считаю арест Горелова тяжелым недоразумением³⁴⁰, вызванным оговором и клеветой его литературных врагов³⁴¹. Я указала фамилии этих врагов: Чумандрина³⁴², Либединского³⁴³ и Федотова³⁴⁴.

Я обращаюсь к Вам, тов. Щербаков, потому что Вам хорошо известна обстановка в Союзе писателей³⁴⁵. Я хочу просить Вас обратить внимание на то страшное недоразумение, которое обрушилось на Горелова.

Тов. Щербаков! Если бы я подозревала в малейшей мере виновность Горелова перед страной, я нашла бы в себе мужество отречься от него, а ребенка³⁴⁶ воспитала бы в духе ненависти к отцу³⁴⁷. Но я уверена, что Горелов намеренно, в корыстных целях запятнан группой авербаховцев, дискредитировавших Горелова, всегда проводившего с ними яростную³⁴⁸ борьбу, и видевших в нем представителя литературно-политической линии, принятой решением ЦК ВКП(б) от 23. IV.1932 г.³⁴⁹

Я вспоминаю то, что рассказывал мне Горелов о провокациях, которыми занимаются бывшие рапповцы, старавшихся (так! — М. З.) всеми силами вышвырнуть Горелова за борт Советской литературы. Они собирались на квартире у Чумандрина (Чумандрин, Либединский, Горев, Штейн, Берггольц³⁵⁰) и обсуждали способы исключения Горелова из партии³⁵¹. На квартире у Трифионовой³⁵² собирались Трифонова, Иволгин³⁵³, Осипов³⁵⁴, Федотов и обсуждали вопрос о распределении «портфелей» после смены руководства³⁵⁵. Ответ. секретарем Союза намечался Чумандрин, редактором «Звезды» — Осипов и т. д.³⁵⁶ Тогда же Трифонова говорила: «Мы разобьем Гореловское руководство, и тогда нас призовут»³⁵⁷.

Из разговоров, которые велись при мне, я знаю, что зам<естителю> Горелова по Союзу — В. Беспамятнову — эта группа авербаховцев предлагала свою поддержку в обмен на то, чтобы вместе «гробить Горелова»³⁵⁸. Они пускали среди писателей слухи, что «Горелов на днях должен быть арестован»³⁵⁹, они на ходу выдумали версию, будто Горелов сказал, что якобы Камегулову выдали парт. билет³⁶⁰, а когда свидетельскими показаниями этот факт был

опровергнут, — Олесич³⁶¹ повторил это же на заседании Райкома, заявив, что знает из «достоверных источников»³⁶².

О всех этих фактах подрывной работы авербаховцев³⁶³ Горелов примерно в декабре <1936> — январе 1937 г. сообщал в Горком, и т. Цильштейн³⁶⁴ был осведомлен о них по заявлениям устным и письменным Горелова, Беспамятнова, Цирельсона³⁶⁵ и Левитиной³⁶⁶.

Все это убеждает меня в том, что шайка троцкистов-авербаховцев, орудовавших в Союзе, спекулировала на трудностях работы в Союзе и разжигала их с целью во что бы то ни стало захватить руководство. Теперь для меня ясно, что «разоблачением» Горелова авербаховцы: Чумандрин, Либединский, Федотов, Осипов хотели замазать свои собственные преступления перед партией³⁶⁷.

Тов. Щербаков! Я не знаю страшнее участи Горелова. Честный и до конца преданный делу партии Ленина–Сталина³⁶⁸, он заклеен как враг народа. Я знаю Горелова 15 лет. Я знаю, с какой страстью боролся он против троцкистско-зиновьевских бандитов еще в 1926 г.³⁶⁹ Вся его литературная деятельность подтверждает мои слова.

Тов. Щербаков! Произошло страшное недоразумение. Я обращаюсь к Вам с горячей просьбой заинтересоваться делом Горелова.

1937. 13 мая

Р. Гофштейн.

Канал Грибоедова, № 9 кв. 89³⁷⁰.

(ЦГАИПД СПб.

Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2214. Л. 1–2)

Примечания

-
- ¹ Берггольц исключили из ССП СССР на общем собрании ЛО ССП 16 мая 1937 г. вместе с Е. С. Добиным и Л. И. Левиным (см.: Авербаховские приспешники в Ленинграде // Литературная газета. 1937. 20 мая), которые, как и она, считались «авербаховскими выучениками и последышами». Л. И. Левин отметил впоследствии, что «главным руководителем этой кампании был секретарь партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей Г. Мирошниченко» (*Левин Л. И.* Такие были времена. М., 1991. С. 18), хотя документальных следов непосредственного руководства не обнаружено ни в архивных, ни в газетных материалах (что, впрочем, легко объяснить уничтожением архивного фонда парторганизации ЛО ССП). Тот же мемуарист утверждал, что к 50-летию Мирошниченко Берггольц отправила ему телеграмму: «Привет вашей пятидесятой весне. Некто в пенсне» (Там же. С. 48), имея в виду Л. П. Берию. 50 лет Мирошниченко исполнилось 22 января 1954 г., Берия же был расстрелян ровно за месяц до этой даты, 23 декабря 1953 г., и приветом с того света от палача, носившего пенсне, Берггольц намекала на кровавое прошлое самого Мирошниченко.
- ² «Искусство истинно великого народного вождя вообще во все времена заключается прежде всего в том, чтобы не дробить внимания народа, а концентрировать его всегда против одного-единственного противника» (*Гитлер А.* Моя борьба. М., 2000. С. 100; в оригинале: «Überhaupt besteht die Kunst aller wahrhaft großen Volksführer zu allen Zeiten in erster Linie mit darin, die Aufmerksamkeit eines Volkes nicht zu zersplittern, sondern immer auf einen einzigen Gegner zu konzentrieren»). «Одним-единственным противником» являлся Л. Д. Троцкий, а его главным «литературным представителем» в 1937 г. был назначен Л. Л. Авербах — идеальная кандидатура на эту роль по всем параметрам. Образ его был демонизирован, на него и на столь же демонизированный РАПП возложили всю вину за подавление свободы творчества

и идеологическую цензуру в 1925–1932 гг., хотя делал это РАПП по заданию ВКП(б), под ее прямым контролем и при ее участии [см., например, статью Л. З. Мехлиса «За перестройку работы РАПП» (Правда. 1931. 24 ноября), а также материалы V экстренного пленума правления РАПП (Правда. 1931. 8–9 декабря)], являясь «литературным официозом диктаторской власти» (Александрова В. Литературный «юбилей» // Александрова В. Литература и жизнь: Очерки советского общественного развития. До конца Второй мировой войны. Избранное. N. Y., 1969. С. 242). Естественно, что после ликвидации РАПП цензура не исчезла, а усилилась. Кстати, сверхзадача известной книги «Неистовые ревнители» (М., 1970; 2-е изд. 1984) С. И. Шешукова заключалась именно в том, чтобы в период ресталинизации скрыть подлинную роль партии в административно-диктаторском управлении литературой, приписав эту роль РАПП. Лишь в одной статье, посвященной первому изданию книги Шешукова, автор решился задать два саркастических вопроса: «Неужели на глазах у всех могла орудовать в советской литературе на протяжении десятка лет группа недобросовестных, извортливых людей, называемая РАПП? **Почему же партия мирилась с ее враждебной деятельностью?**» (Борщук В. И. Факты. История. Методология: (Об историзме в изучении русской советской литературы) // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 39; выделено мною). Однако показательно, что из книги, в которой был использован текст этой статьи, второй вопрос бесследно исчез (ср.: Борщук В. И. История литературы и современность: Методологические проблемы изучения истории русской советской литературы. М., 1972. С. 196).

- ³ Волков Николай Платонович, социальное происхождение — рабочий, по профессии токарь, на заводе с 1930 г., образование в объеме неполной средней школы, политическое образование — курсы пропагандистов при Доме политпросвета. Имел партвысказание: во время чистки в 1929 г. проверкомом был дан выговор за посещение ресторана „Бар“, выговор снят в 1935 г. Был заведующим партшколой, пропагандистом по истории партии. Парторг цеха средних машин, утвержден на заседании парткома „Электросилы“» (Протокол № 13 заседания партийного комитета завода «Электросила» имени С. М. Кирова от 20 мая 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 2071. Оп. 7. Д. 11. Л. 84). Уровень образования (с акцентом на слово «политическое») соответствует единственному требованию: пропагандист, парторг, руководитель кружка должны понимать газетный новояз и уметь на нем говорить, не вникая в глубинную суть явлений, о которых они говорят, и не осознавая, что с человеком продельывают посредством постоянных идеологических ингаляций. Общая задача — «подвести массы как объект партийной политики к средству

- власти — газете» (*Шпенглер* О. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории*. М., 1998. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. С. 492), потому что «диктатура партийных лидеров опирается на диктатуру прессы» (Там же. С. 493). «Жизнь, сведенная согласно марксо-ленинской доктрине к борьбе классов, партийной бдительности и трудовому энтузиазму масс, привела к тому, что литературный и разговорный язык был также сведен к унылому перечню или набору стандартных словосочетаний, замкнувших политический горизонт и серый быт советского гражданина. Этот гражданин, иногда малограмотный, не всегда разбирающийся в подлинном смысле исконных слов родного языка, должен был оперировать множеством непонятных ему слов политической терминологии, созданной не потребностями его личного „я“, а государственными формами, заранее заготовленными большевистской кликой» (*Фесенко* А., *Фесенко* Т. П. *Русский язык при Советах*. Нью-Йорк, 1955. С. 27).
- ⁴ «Смирнов Павел Сергеевич, социальное происхождение — из крестьян, по профессии кочегар, на заводе с 1930 г., образование низшее (в протоколе написано: „нисшее“. — М. З.), политическое образование — Райкомвуз. Парторг цеха нормальных машин, утвержден на заседании парткома „Электросилы“» (Протокол № 13 заседания партийного комитета завода «Электросила» имени С. М. Кирова от 20 мая 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 2071. Оп. 7. Д. 11. Л. 84).
- ⁵ Существовала, во-первых, партийная организация ЛО ССП (первоначально возникла в декабре 1934 г. при Литфонде — см.: *Б [вспомыта-нов В. В.?] Коммунист-писатель* отчитывается // *Литературный Ленинград*. 1934. 14 декабря. № 62), во-вторых, партийная группа правления ЛО ССП. Соответственно было и два партийных секретаря — секретарь парткома парторганизации и секретарь партгруппы правления. Партийная организация ЛО ССП подчинялась Дзержинскому райкому, а партгруппа правления — ленинградскому горкому ВКП(б), поэтому Г. И. Мирошниченко, который с 1936 г. (после В. В. Беспамятнова) был секретарем парткома парторганизации ЛО ССП, писал письма-доносы первому секретарю райкома А. А. Кузнецову (который и назначил его на должность), а А. Е. Горелов, который, очевидно, был не только ответственным секретарем правления ЛО ССП, но еще и секретарем партгруппы правления, доносил на своих конкурентов в горком Э. И. Цильштейну. После Горелова ответственным секретарем правления и секретарем партгруппы правления стал Цильштейн.
- ⁶ Задолго до 1937 г. в известной статье «Темпы саморазоблачения: О Троцком, о Маяковском, о попутничестве» (*Литературная газета*. 1931. 19 февраля; РАПП. 1931. № 1. Январь/февраль) Л. Л. Авербах

выступил с ортодоксальных антитроцкистских позиций, разоблачив Троцкого как мелкобуржуазного попутчика, ставшего ренегатом. Статья начиналась почти как фельетон: «Темпы его <Троцкого> падения пропорциональны темпам подъема нашей страны. Чем выше идем мы, тем ниже скатывается он». Непосредственным поводом для написания послужила статья Троцкого «О положении писателя в Советском Союзе», посвященная смерти В. В. Маяковского (*Die Literarische Welt*. 1930. N 39. 23. November; впоследствии нацистская пропаганда называла этот журнал Веймарской республики «еврейским», поскольку один из двух его основателей был евреем). Попутно Авербах поддержал ликвидацию кулачества как класса и борьбу с вредителями — статья была еще и демонстративно сталинистской. См. злой разоблачительный ответ: *Троцкий Л. Д.* Авербах, пойманный с поличным... // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. Май. № 21/22 — <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-21.shtml> (цитату из статьи Троцкого см. во вступительной статье в наст. изд.). Демонстративная полемика с Троцким нужна была Авербаху в 1931 г. для того, чтобы парировать обвинения в связях с блоком Сырцова–Ломинадзе в 1928–1930 гг., от которого он отошел в начале 1930 г., как об этом писал потом в покаянном письме Н. И. Ежову от 17 мая 1937 г. (Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 476–486). Но несмотря на антитроцкистскую декларацию 1931 г., в 1937 г. Авербах все равно был официально назначен троцкистским агентом.

- ⁷ Согласно официальной точке зрения, «группы» Л. Л. Авербах создавал всегда, таким был его способ организации литературного процесса: «Теперь уже несомненно, что Авербах был чрезвычайно подлым, хитрым и гнусным двурушником, что старался в литературе создать целую группу своих единомышленников и соратников» (*Чичеров И. И.* Авербаховщина — троцкистская контрреволюционная диверсия в литературе и искусстве // Рабочий и театр. 1937. № 5. С. 2).
- ⁸ Глагол «разоблачить» (с производными от него) — ключевой термин эпохи террора; в публикуемых протоколах и приложениях использован 26 раз, в комментариях к ним — 57 раз (в заголовках статей — 5, в цитатах из печатных источников — 33, в цитатах из архивных источников — 19). См.: *Чудакова М. О.* Советский лексикон в романе Булгакова <<Мастер и Маргарита>> // *Чудакова М. О.* Новые работы: 2003–2006. М., 2007. С. 382–384.
- ⁹ Протокол не обнаружен. В Приложении 1 см. выписку из протокола заседания партийной группы правления ЛО ССП от 6 мая 1937 г. и комментарий к ней.

¹⁰ В газетах об этом отношении не осмелились написать даже в кульминационный момент кампании против Л. Л. Авербаха. 7 апреля 1937 г. следователь НКВД принял от агента Алтайского, который служил в секретариате РАПП и был, по собственному признанию, литературным секретарем Авербаха, донесение, в котором сексот, в частности, сообщил: «О Молотове, Кагановиче Авербах говорил пренебрежительно, как об ограниченных людях. Как-то раз году в 1929–1930 Авербах говорил об „азиатских методах И. В. Сталина“ (в смысле жестокости, хитрости). В 1936 г. у Авербаха как-то вырвалось: „Как наша группа недооценивала Сталина!“» (цит. по статье: *Шенталинский В. А. Расстрельные ночи // Звезда. 2007. № 5. С. 81*; возможно, это тот К. Алтайский, который являлся переводчиком, а фактически автором поэм и стихов Джамбула). В письме Сталину и Кагановичу от 23 апреля 1937 г. П. Ф. Юдин написал со ссылкой на Ф. И. Панферова и А. А. Фадеева, что «Авербах, Киришон и другие в своей среде вели разговоры троцкистского характера. На одном из их совещаний на квартире Авербаха обсуждался вопрос о противопоставлении М. Горького т. Кагановичу. Велись разговоры, направленные против тов. Кагановича» (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 360). В донесении В. П. Ставского И. В. Сталину от 3 мая 1937 г. об обсуждении писателями решений февральско-мартовского пленума 1937 г. и деятельности Л. Л. Авербаха и В. М. Киришона также было отмечено: «Наглость авербаховской группы доходила до того, что на собраниях группы имела место гнусная компрометация товарища Л. М. Кагановича, что и было выявлено на заседании партгруппы» (Там же. С. 369). Наконец, в письме Н. И. Ежову от 17 мая 1934 г. арестованный Авербах, разоблачая свои и Г. Г. Ягоды мнимые преступления, и сам указал: «В том, как Ягода поддерживал у меня тогда настроения недовольства отношением ко мне тех или иных представителей партийного руководства — я особенно жаловался тогда на отношение ко мне Л. М. Кагановича, в том, как Ягода поощрял групповую борьбу, направленную против практического проведения линии партии, явственно сказывались его антипартийные настроения в 1932–33 гг., его враждебность партийному руководству» (Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 476–486). Неприязнь же, вероятно, была связана с тем, что Каганович возглавлял ликвидационную комиссию: «Ведь была комиссия по РАППу, я был ее председателем. Мы РАПП распатрионили. Сколько еще было рабочих писательских организаций, и РАПП командовал всем этим делом. ЦК пошел на то, чтобы РАПП,

так сказать, ликвидировать и принял решение о ликвидации РАППа» (Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 172). Комиссия по РАППу была создана по решению Политбюро от 8 марта 1932 г. (протокол № 91, п. 50/18 «Вопросы РАППА»): «Поручить рассмотрение вопросов РАППа комиссии в составе Кагановича, Постышева и Стецкого» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 11). А решение о ликвидации РАПП, принятое на заседании Политбюро 23 апреля 1932 г. (протокол № 97, п. 21 «Организационные вопросы в литературе и искусстве»), готовила комиссия в составе Кагановича, Авербаха и Панферова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 881. Л. 6). В обеих комиссиях председателем был Каганович.

¹¹ Статья не обнаружена. Московскому метрополитену, открытому 15 мая 1935 г., Сталин присвоил имя Л. М. Кагановича. Славословий в его адрес в газетах и журналах в связи с открытием метрополитена появилось множество, на общем фоне разнузданным подхалимством выделялась статья, подписанная девятью авторами, награжденными орденом Ленина в связи с завершением строительства (Сталинский стиль работы // Ударник Метростроя. 1935. 14 мая; подлинным автором статьи, очевидно, являлся главный редактор газеты Е. Д. Резниченко — его подпись также стоит под статьей, поскольку и он получил орден Ленина), однако текста Л. Л. Авербаха среди опубликованных статей о метро не обнаружено. В январе 1934 г. Каганович как член главной редакции «Истории фабрик и заводов» поручил общее руководство подготовкой книги о метро ответственному секретарю «Истории фабрик и заводов» Авербаху, возглавившему группу «История метро», а также П. Ф. Юдину (Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. С. 102). Выполняя поручение, Авербах написал статью «О московском метрополитене, о типе писателя, об истории заводов» (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 7. Д. 461. Л. 5–11), в которой выдвинул программу работы над «Историей метро». Эта статья не была опубликована; маловероятно, что Н. П. Волков имел в виду ее.

¹² Н. П. Волков повторил то, что о подхалимстве было сказано И. В. Сталиным 3 марта 1937 г.: «<...> Основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подбострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов» (Правда. 1937. 29 марта). Мысль Сталина тут же на пленуме подхватил его бывший секретарь, подхалим Л. З. Мехлис (4 марта): «Там, где запущена партийная работа, там, где зажата самокритика, там, где семейственность,

подхалимство и групповщина, там готовая почва для работы контрреволюционных троцкистско-зиновьевских и правых вредителей, шпионов и диверсантов» (Вопросы истории. 1995. № 7. С. 21). См. также в одной из передовиц «Литературной газеты»: «Враг народа, двурушник-троцкист Авербах и его ближайшие сподручные (так! – М. З.) насаждали в литературе отвратительные, гнусные нравы. Они выращивали подхалимов и приспособленцев <...>» (Выкорчевать без остатка // Литературная газета. 1937. 15 мая).

- ¹³ Выражение «троцкистские негодяи» (как и «право-троцкистские негодяи») в 1936–1938 гг. было штампом: «По заданиям германской и японской разведок троцкистские негодяи устраивали крушения воинских поездов <...>» (Врагам народа житья не дадим! // Красная звезда. 1937. 6 июня).
- ¹⁴ А. Е. Горелов был снят с должности ответственного секретаря правления ЛО ССП 4 февраля 1937 г. (Оздоровление работы ленинградского союза писателей // Литературная газета. 1937. 5 февраля), 5 февраля решением бюро Дзержинского райкома исключен из ВКП(б) «за примиренчество к врагам народа и утерю классово-бдительности» (*Шталь Е. Н.* А надо мною «посмели надругаться» так... // НГ Ex libris: Приложение к «Независимой газете». 2014. 13 марта. № 9. С. 4); 11 марта 1937 г. арестован; как «троцкистский двурушник» по ст. 58–8 и 58–11 УК РСФСР 21 мая 1937 г. был приговорен к тюремному заключению на 10 лет. Его классифицировали как врага народа «из горбачевско-литфронтовской группы (Горелов, Майзель, Штейнман и др.) <...>» (*[Князев Ф. С.]* До конца разоблачить троцкистскую агентуру // Резец. 1937. № 10. Май. С. 20), т. е. он проходил не как «авербаховец», а как «троцкист». В поле зрения УНКВД по Ленинградской области попал еще в 1935 г.: «Методы работы <...> Горелова, быв. активного литфронтовца, вызывают у большинства беспартийных писателей отрицательные настроения. <...> Горелов подменяет работу правления личным администрированием, что приводит к разрыву с писательской массой» (Докладная записка УНКВД по ЛО А. А. Жданову от 28 мая 1935 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 258; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1195. Л. 3). В декабре 1936 г. автор комсомольской газеты сообщил о том, что В. В. Беспамятов, А. Е. Горелов и Е. С. Добин «пытались взять под защиту троцкистских двурушников» А. Д. Камегулова и М. Г. Майзеля (*Никитов Н. [Осипов Н. Я.]* Зажим самокритики и групповщина // Смена. 1936. 15 декабря). Уже на следующий день, 16 декабря 1936 г., первый секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) А. А. Кузнецов написал докладную

записку секретарю обкома А. С. Щербакову и секретарю горкома В. И. Шестакову (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Л. 41–48). Этот документ, явно составленный по данным, предоставленным Г. И. Мирошниченко и М. Ф. Чумандриным, являлся дополнением к докладной записке Кузнецова на имя А. И. Угарова от 5 сентября 1936 г. (Там же. Л. 19–29). В декабрьской докладной записке основное внимание было уделено доказательству вражеской деятельности Горелова и его связи с уже арестованными А. Д. Камегуловым и М. Г. Майзелем, покровительству, которое он им оказывал. Вывод, сделанный Кузнецовым: «<...> Партгруппа ССП и ее руководители Беспамятнов и Горелов не могут в данное время организовать и возглавить здоровую политическую активность писателей <...>. Райком считает, что для оздоровления работы в Союзе Писателей, безусловно, необходимо отстранение от руководства в Союзе т.т. ГОРЕЛОВА и БЕСПАМЯТНОВА <...>. Вопрос партийности т.т. ГОРЕЛОВА, БЕСПАМЯТНОВА и ДОБИНА будет предметом обсуждения на Бюро РК после разбора их дел на парторганизации Ленинградского Отделения Союза Советских писателей» (Там же. Л. 42, 48). С этого времени начинается травля Горелова — по инициативе писателей, в ходе групповой борьбы, при поддержке Дзержинского райкома партии и лично А. А. Кузнецова. Однако эта инициатива не встретила одобрения в горкоме. 5 мая 1937 г. Чумандрин выступил от Союза писателей на 2-й партийной конференции Дзержинского района и рассказал: «Разоблачение его <Горелова> затянулось на 3 месяца благодаря того (так! — М. З.), что здесь стал на очень странную позицию заведующий отделом народного образования (на самом деле зам. зав. отделом культурно-просветительской работы ленинградского горкома ВКП(б). — М. З.) Я. А. Смирнов. И что получилось? Весь материал налицо, нам надо обсудить положение вещей, обсудить, как человек ухитрился пробыть 2–3 года в организации, как ухитрился занести себя в этот актив, а на самом деле разлагал организацию, — мы ставим вопрос и получаем прямое запрещение Смирнова: распустить партийный комитет, рано еще. Поднимаем скандал. Приезжают ко мне. В результате мы на 3 месяца затянули разоблачение Горелова, и за 3 недели до его ареста удалось исключить его из партии» (ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 66. Л. 34; подчеркнуто мною). Примечательно: попытки начать травлю Горелова раньше времени были заблокированы горкомом — очевидно, уже в ноябре 1936 г. план погрома был намечен Политбюро ЦК ВКП(б) именно на весну 1937 г. Следующим актом стало решение бюро Ленинградского обкома партии «Об укреплении партийного руководства ленинградским отделением Союза Советских писателей». В первом пункте было указано: «Освободить от работы

секретарей Ленинградского отделения Союза Советских писателей т.т. Горелова и Беспамятнова как необеспечивающих партийного руководства» (Выписка из протокола № 28 заседания бюро ленинградского обкома от 27 января 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 439879, ч. 2. Л. 9 — личное дело Н. Г. Свирина). Сразу после этого появилась статья Г. И. Мирошниченко «Усилить революционную бдительность» (Литературный Ленинград. 1937. 29 января. № 5), причем в этом же номере было приведено весьма самокритичное заявление Горелова: «<...> Недавно еще в рядах ленинградской литературной организации оставались неразоблаченными гнусные троцкистские последыши — это являлось грубейшей политической ошибкой руководства союза и, в первую очередь, огромной ошибкой его, Горелова, как коммуниста и руководителя литорганизации» (Никакой пощады! На общем собрании ленинградских писателей // Там же). Через пять дней Горелов уже был со своей должности снят, а через две недели исключен из партии. За шесть дней до ареста в «Литературной газете» снова упоминался «преступный либерализм А. Горелова» («<...> О том, что Майзель — бездарное ничтожество, знали все, но никто не указал полным голосом на преступный либерализм А. Горелова, покровительствовавшего наглomu врагу». — Необходимые выводы // Литературная газета. 1937. 5 марта). В этот же день 5 марта 1937 г., выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского горкома по идеологии А. И. Угаров обосновал кардинальную замену идеологических кадров: «Еще вопрос о такого рода кадрах, как кадры идеологического фронта. Мне думается, что здесь задачу в известной степени надо ставить несколько иначе, чем задачу, которая стоит перед нами в отношении хозяйственных, партийных и советских кадров. В самом деле, мы имеем в основном преданные делу партии хозяйственные кадры. Тов. Сталин говорит о том, что их надо политически подковать, и это решит все. Если брать идеологический и теоретический фронт, нам нужно наново, как партия создавала свои кадры техников, инженеров для промышленности, наново поставить задачу создания высококвалифицированных идеологических кадров воинствующих большевиков, которые будут бороться за дело партии на теоретическом фронте. Засоренность здесь была исключительная. Причем дело складывалось до поры до времени так, что, по существу, мы успокаивали себя ложным и небошевистским рассуждением о том, что их некем заменить. Надо создать свои кадры для идеологического фронта, и это решит задачу» (Вопросы истории. 1995. № 10/11. С. 24–25). Фактически это была программа ликвидации старых кадров. Судьба Горелова была предрешена. Поэтому на общем собрании в ЛО ССП 17–20 марта 1937 г.

Горелов, уже сидевший в тюрьме, подвергся коллективному разоблачению (см. вступительную статью). Как одного из главных троцкистов Ленинграда, «врага народа» и «бандита», Горелова регулярно упоминали на собраниях в ленинградской писательской организации, начиная с 17 марта 1937 г. В резолюции общего собрания парторганизации ЛО ССП от 1 апреля 1937 г. было сказано: «<...> Фактически единоначальное «руководство» идейно-политической работой Союза в целом было передоверено б. отв. секр. организации и Союза Беспамятновым махровому двурушнику и предателю А. Горелову, добивавшемуся развала Союза и дискредитации писателей-коммунистов» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 805502, ч. 1. Л. 17 — личное дело В. В. Беспамятова). Из резолюции общего собрания парторганизации ЛО ССП от 14 апреля 1937 г.: «...Общее собрание считает необходимым отметить, что разоблачение махрового двурушника-троцкиста, б. отв. секретаря Союза ГОРЕЛОВА и его соратника МАЙЗЕЛЯ в значительной мере тормозилось неправильной позицией бывшего заместителя Культпроса Городского Комитета партии т. <Я. А.> СМИРНОВА, дезориентировавшего парторганизацию Союза в вопросе разоблачения указанных лиц и допустившего прямое нарушение партийного устава запрещением созыва парткомитета Союза для обсуждения вопроса о Горелове» (цит. по выписке, присланной из ЛО ССП в Ленинградский обком: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2324. Л. 31; см. также в полном тексте резолюции: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 58. Л. 74). В газетах о «троцкизме» Горелова начали регулярно писать лишь с 23 апреля 1937 г.: *Тарасенков А. К.* К новым успехам советской литературы // Ленинградская правда. 1937. 23 апреля (Горелов стоит в списке «бандитов-троцкистов»); *Ромов П.* В парторганизации ленинградского ССП // Литературная газета. 1937. 5 мая; *Максимов И.* На партсобрании ленинградских писателей // Известия. 1937. 8 мая (о заседании партгруппы правления ЛО ССП 6 мая; первым в списке разоблаченных врагов народа назван Горелов; см. Приложение 1); *Плоткин Л. А.* О враждебных происках в литературной критике // Ленинградская правда. 1937. 9 мая; *Ромов П.* На собрании партгруппы Ленинградского отделения союза писателей // Литературная газета. 1937. 10 мая; *В. К.* Среди ленинградских критиков и литературоведов // Там же. Как «враг народа» Горелов был упомянут на 2-й партийной конференции Дзержинского района в отчетном докладе первого секретаря Дзержинского райкома ВКП(б) А. А. Кузнецова 4 мая 1937 г. (стенограмму см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 63. Л. 24) и в выступлении М. Ф. Чумандрина (см.: Там же. Д. 66. Л. 34). Ольгу Берггольц связывали не только с Авербахом, но и с «врагом народа» Гореловым: считалось, что, работая в «Литера-

турном Ленинграде», она была его «приспешником», помогая проводить «вредительскую политику»: «В близких отношениях с Авербахом находилась и Берггольц. Выступления этой писательницы, кандидата в члены партии, убедили коммунистов в ее беспринципности и антипартийности. Работая в газете «Литературный Ленинград», она совместно с Добиным способствовала проведению в газете вредительской политики Горелова» (Макашин А. В партгруппе ЛенССП // Литературная газета. 1937. 20 мая; об этом собрании см. Приложение 3); «Б. Лавренев особо останавливается на циничном и безответственном выступлении другого руководителя «Литературного Ленинграда» — О. Берггольц, «наивности» и «неопытности» которой никто поверить не может. «В деятельности О. Берггольц, — говорит Б. Лавренев, — сказались авербаховская выучка, которая привела ее на службу к Горелову»» (Авербаховские приспешники в Ленинграде // Там же; статья написана по материалам заседания правления ЛО ССП и актива секций). Однако Берггольц, названная в письме Р. Р. Гофштейн в числе участников «заговора» против Горелова (см. Приложение 2), идя работать в «Литературный Ленинград» на должность зав. редакцией, предвидела, что Горелов попытается использовать ее в своих целях: «Буду стараться вести четкую, принципиальную линию, боюсь, что с Гореловым мало удастся сделать. <...> Пусть только Горелов попробует меня обезголозить» (Дневник О. Берггольц // Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941 г. М., 2011. С. 535; запись от 29 августа 1936 г.).

- ¹⁵ Еще 31 марта 1936 г. Е. С. Добин подвергся нападкам со стороны Б. А. Лавренева на третьем собрании ленинградских писателей в ходе дискуссии о формализме и натурализме: «В грубом издевательском тоне говорил ЛАВРЕНЕВ о советской печати. Резко нападая на газету «Лит. Ленинград», ЛАВРЕНЕВ заявил, что «необходимо произвести чистку этой газеты»» (Спецсообщение УНКВД по Ленинградской области А. А. Жданову, А. И. Угарову и др. от 2 апреля 1936 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1837. Л. 87). Ответственным редактором «Литературного Ленинграда» в это время уже был Добин, его заместителем — М. Э. Козаков. Тут же разъяснялось: «Агентурно установлено, что выступление Б. ЛАВРЕНЕВА инспирировано БАРИШЕВЫМ Н. В. через писателя РОЗЕНФЕЛЬДА» (Там же. Л. 90). В сентябре 1936 г. Добина и его работу в газете критиковал первый секретарь Дзержинского райкома ВКП(б): «Несмотря на то что в свое время был снят отв. редактор газеты Ральцевич, несмотря на эти сигналы новый редактор т. Добин не позаботился об очистке аппарата от чуждых нам людей. И потому неудивительно, что на должности секретаря редакции оказался ныне

арестованный Штейнман» (Кузнецов А. А. Докладная записка секретарю горкома ВКП(б) А. И. Угарову от 5 сентября 1936 г. // Там же. Д. 2050. Л. 25). Примечательно, что в тот же день в «Литературном Ленинграде» появилась статья Берггольц, в которой она писала о Ральцевиче: «Отвратительный двурушник Ральцевич, воспользовавшись своим положением редактора газеты «Литературный Ленинград», долгое время систематически противопоставлял линию газеты — линии руководства союза писателей» ([Берггольц О. Ф.] Враги не сорвут наших побед [Передовая] // Литературный Ленинград. 1936. 5 сентября. № 41). В начале 1937 г. Добина критиковала «Правда» (!) — за то, что в сборнике В. А. Десницкого «На литературные темы» (Л., 1936. Кн. 2) редактор книги Добин самовольно вычеркнул в одной из статей абзац, в котором Десницкий приводил высказывание Ленина об иудушках Троцком, Каутском и др. Редактура была расценена как грубая политическая ошибка (см.: С позволения сказать, редактор // Правда. 1937. 3 января). Критика в «Правде» была почти что приговором, тема была развита в статье Г. И. Мирошниченко (Усилить революционную бдительность // Литературный Ленинград. 1937. 29 января. № 5). Парторганизация ЛО ССП вынесла Добину строгий выговор, а из партии он был исключен на заседании секретариата горкома (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 58. Л. 55) не позднее 15 февраля 1937 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 805502, ч. 1. Л. 26 — личное дело В. В. Беспамятнова). На общем собрании ЛО ССП 17–20 марта 1937 г. Добина и «Литературный Ленинград» критиковал А. Г. Розен (Стенографический отчет общего собрания ЛО ССП. 17–18 марта 1937 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 59. Л. 73–74). В мае 1937 г. Добин вырос в одного из важнейших и опаснейших приспешников Авербаха. «Много внимания было уделено ошибкам Добина, большинство которых происходило в результате содружества Добина с Авербахом на протяжении нескольких лет. Особо отмечалось, что Добин позже других порвал с Авербахом» (Ромов П. На собрании партгруппы <правления> Ленинградского отделения союза писателей <6 мая 1937 г.> // Литературная газета. 1937. 10 мая). В это же время Добин подвергся критике как руководитель секции критики и литературоведения, причем его раскаяние сочли формальным и неискренним. «В рядах ленинградских критиков и литературоведов долгое время орудовали враги народа Горелов, Бескина, Майзель, Мустангова, Штейнман, Оксман, Старчаков, Брустов и др. Их деятельность нанесла огромный вред литературе. Казалось бы, после разоблачения этих участников троцкистско-фашистской шайки (между прочим, все восемь „фашистов“ были евреями. — М. З.) критическая секция, руководимая Е. Добиним, должна была до конца вскрыть вредительские „теорийки“,

проповедовавшиеся всеми этими лазутчиками классового врага. <...> Но руководство секции критиков и литературоведов, „добро и зло внимая равнодушно“, до последнего времени проходило мимо первоочередной задачи — вскрытия и разгрома троцкистско-бухаринского охвостья. <...> В своем отчетном докладе на собрании секции Е. Добин вынужден был признать полную неудовлетворительность работы возглавлявшейся им секции. Услышав из уст Е. Добина признания в политической слепоте и потере классовой бдительности, собрание имело основание ожидать от него более развернутого и глубокого анализа вредительской деятельности врага <...>» (В. К. Среди ленинградских критиков и литературоведов // Литературная газета. 1937. 10 мая). См. также: *Герасимович Л.* На собрании ленинградских критиков и литературоведов // Красная газета. 1937. 7 мая. Добин был исключен из ССП СССР на общем собрании ЛО ССП 16 мая 1937 г. вместе с Берггольц и Л. И. Левиным (см.: Авербаховские приспешники в Ленинграде // Литературная газета. 1937. 20 мая). «Заседание, на котором нас исключали, помнится мне до мельчайших подробностей. Добин (самый старший из нас троих, хотя и ему было всего-навсего тридцать шесть лет) во время заседания почувствовал себя плохо и лежал на диване в соседней гостиной. Обеспокоенный Е. Шварц спросил, чем ему можно помочь, но Добин только покачал головой и продолжал лежать с закрытыми глазами» (*Левин Л. И.* Такие были времена. М., 1991. С. 19). В собственных воспоминаниях 1956 г. Шварц описал Добина с иронией, начав со сравнения с Ванькой-встанькой: «<...> Мягкий, кругленький, маленький <...> Фигурой и судьбой похож на Ваньку-встаньку. Сколько его валили! Во время одного из зловещих собраний в Доме писателей в 37 году после того, как излупили его так, что и великану не выдержать, кто-то вышел в фойе и увидел: лежит маленький наш Ефим посреди огромного зала на полу, неподвижно. Потерял сознание. Но и после этого нокаута он очнулся, реабилитировался. Выйдешь на улицу, а впереди покачивается на ходу наш ванька-встанька» (*Шварц Е. Л.* Телефонная книжка. М., 1996. С. 136–137). Ироническое восприятие Добина зафиксировано и в мемуарах В. А. Каверина и И. М. Меттера: «<...> Он был не литературно-партийной, а партийно-литературной фигурой — и фигурой немного смешной, может быть, потому, что его очень маленький рост не соответствовал значительности, с которой он старался держаться» (*Каверин В. А.* Эпилог. М., 1997. С. 210); «Маленький Ефим Добин — в нем было 158 сантиметров роста, обувь он покупал для себя в магазине «Детский мир» <...>» (*Меттер И. М.* Допрос. СПб., 1998. С. 26). Лишившийся работы и исключенный из ССП СССР и ВКП(б), Добин с марта 1937 г. был безработным. Когда он попросил в Литературном

фонде ссуду в 2000 руб., ему, естественно, было отказано (Протокол № 10 заседания правления ЛО Литературного фонда от 22 мая 1937 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об.). К удивлению многих, Добин даже не был арестован.

- ¹⁶ М. Г. Майзель скомпрометировал себя в 1930 г. участием в группе «Литфронт» и близостью к Г. Е. Горбачеву (также Майзель был близким другом А. Е. Горелова, см.: *Горелов А. Е. Мои Хибины* // Звезда. 1980. № 8. С. 171). В 1931 г. в псевдонаучной статье, написанной группой из семи рапповских литературоведов, Майзель был отнесен к «литфронтскому охвостью» и назван последователем Г. Е. Горбачева, что являлось тяжелым политическим обвинением (см.: За ленинский учебник по истории русской литературы // Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 315–317). Даже из этой статьи следовало, что, политически негативно оценив таких писателей, как А. Белый, Е. И. Замятин или В. В. Розанов, Майзель в «Кратком очерке современной русской литературы» все же попытался описать содержание их произведений, объяснить их художественное своеобразие, а не просто заклеить «реакционную идеологию» и декларировать «полную художественную никчемность». Отдельное обвинение было предъявлено Майзелю в связи с отсутствием упоминаний в книге одного из руководителей ЛАПП: «Только какие-то „особые“ причины, выходящие за пределы объективного литературного исследования, могли продиктовать также полное умолчание о творчестве М. Чумандрина» (Там же. С. 317). Очевидно, Майзель испытывал к М. Ф. Чумандрину личную неприязнь. В конце мая 1931 г. Майзеля растоптал Авербах: «„Краткий очерк современной литературы“ Майзеля — книжка настолько же претенциозная, насколько и малокультурная. Правда, Майзель дает в ней все, что он может дать, но, увы, дать он может очень мало <...>» (*Авербах Л. Л. Очередные задачи пролетарской литературы СССР* // Пролетарская литература СССР на новом этапе: Сокращенный стенографический отчет 2-го Пленума Совета ВОАПП. М.; Л., 1931. С. 171). Как соратник и последователь Г. Е. Горбачева, Майзель подвергся критике на партсобрании ЛО ССП 30–31 августа 1936 г.: «На этом собрании ряд коммунистов выступал с обстоятельной критикой своих собственных, ранее допущенных ими, ошибок. Но никого не удовлетворило выступление кандидата партии М. Майзеля. Майзель был долгое время связан с Горбачевым. Здесь, на собрании, он старался сделать упор на то, что он с Горбачевым порвал, и всячески пытался смазать вопрос о том, почему до сих пор публично, через печать, не дал развернутой критики горбачевских взглядов, которые сам Майзель разделял в свое время» (В парторганизации писателей Ленинграда // Литературная газета. 1936. 10 сентября).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абраменков А. — 171

Авдеенко Александр Остапович (1908–1996), писатель; в 1940 г. был исключен из ССП и из ВКП(б); во время Великой Отечественной войны капитан, специальный корреспондент армейской газеты «Сын Родины» (с ноября 1943) — 246

Авербах Леонид Николаевич (Лейба Исаакович) (1878–1937), сотрудник Народного комиссариата внешней торговли (1920–1925), член правления акционерного общества «Искусственная овчина» (1926–1930), зам. управляющего ЛО акционерного общества (1930–1933), зам. управляющего ЛО «Интурист» (1933–1937); был арестован 13 апреля 1937 г., приговорен к высшей мере наказания 21 октября 1937 г., расстрелян 26 октября; отец Л. Л. Авербаха — 192, 209, 233, 283

Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937), член партии с 1920 г., литературный функционер, критик, публицист, марксистский теоретик литературы; племянник Я. М. Свердлов (1885–1919); редактор журнала «Молодая гвардия» (1922–1924), подпольная работа в Германии (подготовка революции), арест, тюремное заключение (1923), редактор газеты «Уральский рабочий» (Свердловск, 1924–1926), один из основателей, ответственный секретарь РАПП (1926–1932), ответственный редактор журнала «Октябрь» (январь–февраль 1931), секретарь парткома Уральского завода тяжелого машиностроения им. Серго Орджоникидзе, секретарь Орджоникидзевского райкома ВКП(б) Свердловска (март 1934 — декабрь 1936); с января 1937 г. находился во временном отпуске для литературной работы; был арестован 4 апреля 1937 г., приговорен к высшей мере наказания 14 августа 1937 г. (Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, 1 категория // АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 410. Л. 223), расстрелян 14 августа — 9, 10, 17, 18, 20, 21, 23–30, 39, 43, 49, 50, 52, 61, 64, 69–83, 85, 88, 91–94, 97, 99, 106, 107, 112–116, 118, 120–124, 126, 128, 131, 133–137, 140–142, 144, 146, 150, 151, 155, 156, 161–163,

- 165–173, 180–182, 184, 186–193, 195–197, 201–205, 208–211, 213, 215, 217, 232–235, 242–244, 246, 247, 251, 252, 257, 259, 260, 262, 264, 267–269, 271, 272, 276–279, 281–284, 288, 290, 291, 294, 295, 297–299, 301, 304–306, 310, 312, 315, 316, 331, 339, 340, 346–349, 354, 356–362, 366, 368, 369
- Авраменко Илья Корнильевич (1907–1973), поэт, один из основателей (вместе с Г. М. Файвиловичем) литературного кружка «Рабочая окраина» (1925), студент Ленинградского государственного университета (июнь 1925 — июнь 1930), редактор, ответственный секретарь сектора периодики, помощник редактора сектора современной литературы, ответственный секретарь, зав. редакциями Государственного издательства художественной литературы (март 1931 — март 1933), литературный сотрудник радиоузла Балтийского судостроительного завода (апрель 1933–1934), товаровед, консультант коллектора детских и юношеских библиотек (1934 — июль 1938); зав. редакцией журнала «Звезда» (июль 1938–1939); участник советско-финляндской войны, во время Великой Отечественной войны майор, член группы писателей при политуправлении Ленинградского фронта — 12, 255, 275
- Авторханов Абдурахман Гинаязович (1908–1997), партийный функционер; в 1937–1942 гг. в заключении, в 1942 г. перешел линию фронта, в 1943–1945 гг. находился в Берлине, сотрудник «Русского института армии США» (1949–1979), советолог, публицист — 325
- Агабеков (Арутюнов) Георгий (Григорий) Сергеевич (1895–1937), сотрудник ВЧК–ОГПУ (1922–1930), резидент советской нелегальной разведки на Ближнем Востоке (с октября 1929); в 1930 г. бежал во Францию, откуда был выслан (предположительно в 1933), в Брюсселе был отдан под суд за грабежи, перепродажу краденого, подлоги (суд состоялся в марте 1936, см.: Агабеков на скамье подсудимых // Возрождение (Париж). 1936. 28 марта. № 3951. С. 3); убит диверсантами НКВД — 190
- Агеев Сергей Степанович, историк, краевед, директор музея истории Уральского завода тяжелого машиностроения (Екатеринбург) — 168
- Аграчев Арон Исаакович (1906–?), преподаватель истории, публицист, редактор ЛО издательства «Молодая гвардия» (1934–1935), директор Ольгинской средней школы (1937), зав. издательством ленинградского областного отдела народного образования (1937–1938), преподаватель истории (февраль–сентябрь 1938), зам. директора по учебной части (с сентября 1938) Научно-практического слухо-речевого института — 59, 159, 160
- Адмони Владимир Григорьевич (1909–1993), литературовед, языковед — 147
- Адрианов П., журналист — 33, 363
- Азадовский Константин Маркович (род. 1941), литературовед, зав. кафедрой иностранных языков Высшего художественно-промышленного училища

- им. В. И. Мухиной, сын М. К. Азадовского; был арестован 19 декабря 1980 г. (см.: Арест Азадовского // Хроника текущих событий. 1980. Вып. 60. 31 декабря), приговорен 16 марта 1981 г. к 2 годам заключения (см.: Суд над Азадовским // Там же. 1981. Вып. 62. 14 июля) — 68
- Азадовский Марк Константинович (1888–1954), литературовед, фольклорист, профессор Института речевой культуры (1930–1933), руководитель фольклорных отделений Государственного института истории искусств, Института по изучению народов СССР, Института русской литературы АН СССР (1931–1942, 1945–1949), зав. кафедрой фольклора филологического факультета Ленинградского государственного университета (с 1938); в 1949 г. был уволен как «космополит» из Ленинградского университета (приказ от 3 мая) и Института русской литературы (с 23 мая) — 68
- Акимов Николай Павлович (1901–1968), художник, театральный режиссер (с 1929), главный режиссер Ленинградского театра комедии (1935–1949, 1955–1968) — 216
- Аксенов Иван Александрович (1884–1935), писатель, литературовед, переводчик — 182
- Алдан — Алдан-Семенов Андрей Игнатьевич (1908–1985), писатель, ответственный секретарь Кировского отделения ССП; был арестован 6 января 1938 г., 20 июля 1939 г. приговорен к 10 годам лишения свободы — 252, 253, 369
- Александр Владимир Михайлович (1906–1938), преподаватель немецкого языка в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена; был арестован 17 января 1938 г., приговорен к высшей мере наказания 14 апреля 1938 г., расстрелян 21 апреля — 147
- Александр Лев Николаевич (1889–?), участник Гражданской войны, политработник, публицист, сотрудник аппарата Коминтерна (1927–1928), начальник НИИ архитектуры при Всесоюзной Академии художеств (1935), зам. директора Всесоюзной Академии художеств (1935 — 13 августа 1937) — 31
- Александрова Вера (Шварц Вера Александровна; 1895–1966), американский литературовед, советолог — 40, 132, 195, 196, 369
- Александрова М. — см.: *Шувалова М. А.*
- Алексеев Никандр Алексеевич (1891–1963), писатель, ответственный секретарь Новосибирского отделения ССП (1934–1956) — 370
- Алексеев Николай Николаевич (1879–1964), правовед, философ, идеолог евразийства, участник Белого движения (в составе Добровольческой армии, редактор газеты «Великая Россия», зав. литературной частью отдела пропаганды), эмигрировал в 1920 г., ученый секретарь юридического факультета Русского народного университета в Праге (1922–1931) — 245
- Алексеев Павел Иванович (1899–1942), член партии с 1924 г., токарь на заводе «Электросила» (1925–1933), освобожденный член заводского коми-

- тета (1933–1934), освобожденный зам. секретаря парткома завода (май 1934 – май 1937), освобожденный секретарь парткома цеха крупных машин № 2 (май 1937 – май 1938), мастер цеха № 10 (май 1938 – июнь 1940); во время Великой Отечественной войны красноармеец, умер в госпитале от болезней и истощения – 70, 84, 85, 87, 91, 270, 273, 274
- Алмазов А. – 289
- Алперс Борис Владимирович (1894–1974), театровед – 317
- Алтайский (оперативный псевдоним), сотрудник секретариата РАПП, осведомитель НКВД – 135
- Алтайский (Королев) Константин Николаевич (1902–1978), поэт, переводчик; был арестован 30 апреля 1938 г. (по доносу А. И. Алдан-Семенова), 25 марта 1939 г. приговорен к 10 годам лишения свободы, повторно арестован 29 марта 1949 г., находился в ссылке до 1954 г. – 135
- Альтман Иоганн Львович (1900–1955), член партии с 1920 г., театровед, ответственный редактор газеты «Советское искусство» (1936 – январь 1938), ответственный редактор журнала «Театр» (1937 – январь 1941); 9 сентября 1950 г. был исключен из ССП, арестован как «космополит», 6 марта – 29 мая 1953 г. находился в заключении – 317–319
- Амаглобели Серго Иванович (1899–1937), театровед, драматург, директор и художественный руководитель Малого театра (13 декабря 1933 – 25 августа 1936); в статье «За большевистскую бдительность в литературе» (Новый мир. 1937. № 6. С. 209; номер сдан в набор 7 июня 1937 г.) был назван «разоблаченным врагом народа», об аресте см.: Арест Амоглабели // Возрождение (Париж). 1937. 16 июля. № 4087. С. 2; расстрелян 22 ноября – 208
- Амельченко Иосиф Иванович (1904–?), член партии с 1931 г., на заводе «Электросила» с 1928 г., слесарь; во время Великой Отечественной войны старший лейтенант, командир роты саперного батальона 326-й стрелковой дивизии – 94, 102
- Амстердам Абрам Вульфович (1907–1990), литературовед, редактор редакции современной художественной литературы ЛО Гослитиздата; во время Великой Отечественной войны капитан, инструктор-литератор 7-го отделения (пропаганда среди войск противника) политотдела 55-й армии – 41, 204
- Аникин Николай Адрианович (1904–?), сотрудник ГубЧК–ГПУ (1921–1922), студент Ленинградского государственного университета (1925–1931), научный сотрудник АН СССР (1931–1934), зав. массовой работой Литературного музея (1934–1936), секретарь партийной организации, сотрудник архива (12 ноября 1936 – 15 декабря 1937), зав. архивом (с 15 декабря 1937) Института русской литературы АН СССР, с 1939 г. в РККА – 240
- Анохин Петр Федорович (1891–1922), революционер, ответственный секретарь Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) (1921–1922) – 172